

Swietłana Musijenko*

Grodzieński Państwowy Uniwersytet im. Janki Kupały
Białoruś

Деятельность и творчество Франциска Скорины в контексте европейской культуры

Рэзюме:

У артыкуле прадстаўлены творчы партрэт выдатнага дзеяча беларускай культуры, навукі, кнігадрукавання Францыска Скарыны. Аналізуюцца прычыны адраджэння памяці аб ім у сувязі з 500-годдзем беларускага “кірылічнага” друку, заснавальнікам якога быў Скарына. Разглядаецца праблема яго значнасці ў сучасным навуковым свеце і ўвасабленне Скарыны як героя ў мастацкай літаратуры.

The Life and Works of Francysk Skaryna in the Context of European Culture

Summary:

The article focuses on Francysk Skaryna, a notable representative of Belarussian culture. In view of the approaching 500th anniversary of the first print in the Belarussian Cyrillic script, the author emphasizes the necessity to critically reconsider Skaryna’s achievements, to assess

* Swietłana Musijenko – prof. dr hab., pracownik Katedry Filologii Polskiej Grodzieńskiego Państwowego Uniwersytetu im. Janki Kupały (Białoruś). Autorka licznych książek, m.in. *Žanrowo-stilewe iskania v sovremennoj pol’skoj proze: (konec 50-h- seredina 60-h gg.)* (Moskwa 1971), *Realističeskij roman v pol’skoj literaturie mežwoennoho dwadcatile-tia (20-30-e gg. XX v.)*. *Monografiâ* (Grodno 2003).

his importance for contemporary culture, and his status of a literary character.

Key words: Skaryna, history of printing, Belarussian culture

Działalność i twórczość Franciszka Skaryny w kontekście kultury europejskiej

Streszczenie:

W artykule przedstawiono literacki portret wybitnej postaci kultury i nauki białoruskiej: Franciszka Skaryny. Badaczka analizuje zasadność ożywienia pamięci o nim, ponownych studiów w związku z 500. rocznicą druku białoruskiej cyrylicy. Refleksji poddawana jest kwestia znaczenia Skaryny we współczesnym świecie, jak również wykorzystywania jego sylwetki w roli bohatera literackiego.

Słowa-klucze: Skaryna, historia druku, kultura Białorusi

Если верить скудным сведениям о жизни и деятельности Франциска Скорины, то жил он всего 61 год: родился в 1490 (?) и умер в 1551 (?) году. Четыре важнейших фактора в судьбе человека: имя, фамилия, даты рождения и смерти в случае со Скориной заключают четыре вопроса. Тайна имени Георгий или Франциск – второе имя не является исконно белорусским. В документах периода учебы в Краковском университете у Скорины было имя Франциск. Видимо, он изменил прежнее Георгий на Франциск по настоянию администрации университета. Тайна фамилии осталась неразгаданной: Скорына или Скарынич – оба варианта исконно белорусские. Неизвестными до сегодняшнего дня остаются даты его рождения и смерти. Парадокс являют собой в том, что сохранились бесспорные сведения о довольно богатом купце Луке Скорине – отце Франциска, его старшем брате Иване, продолжавшем дело отца, племяннике Романе, который обожал своего дядю и не однажды приходил ему на помощь, даже способствовал его освобождению из тюрьмы. Сохранились (хоть и немного) факты из жизни его жены Маргариты (в девичестве Сташевич), по фамилии

первого мужа – советника магистрата Вильнюса – Одверник. Известно, что Скорина женился на Маргарите после смерти ее первого мужа и с ней имел сына по имени Симеон.

А Георгий-Франциск Скорина? Из кратких упоминаний, скурых сведений и легенд, окутавших его имя, трудно, особенно через 500 лет, воспроизвести не мозаичный облик, а целостный образ с портретной характеристикой, особенностями характера, деяниями, отношением к окружающему миру и т.д. И все же. Сохранился портрет Скорины – резьба по дереву, ставший опознавательным знаком его книгопечатания. Современники отмечали его красоту, смелость, благородство, блеск и изящество разума, верность в дружбе и любви и частные странствия по европейскими государствам. В европейских странах – Польше, Германии, Италии, Чехии – в воспоминаниях о Скорине упоминались его национальная (тогда народная) принадлежность – белорус из славного града Полоцка. Скорина был гениальным представителем эпохи Возрождения, которую он предвосхищал в странах всего славянства. Он был свидетелем борьбы сторонников средневекового феодализма с носителями идей централизации власти и становления народностей восточных славян – русских, белорусов, украинцев. Примером служила Московия, освободившаяся от иноземного ига и создававшая сильное государство.

Роль Скорины в этом историческом процессе можно сравнить с той ролью, которую на рубеже Средневековья и Возрождения в Италии сыграл Данте (1265–1321), известный не как представитель знатного рода Алигьери, а как автор философских и социально-политических трактатов («Пир», «О народной речи»), а главное – как автор и герой лиро-эпического, политического и аллегорического произведения «Комедия» (1307–1321), которую народ назвал «Божественной» за художественное совершенство и идейную значимость. Неслучайно идеи Данте использовались и продолжают использоваться художниками, мыслителями и политиками и до сегодняшнего дня. «Темный лес» Средневековья остался в прошлом, как и его традиции, эстетика, этика, философия. Идеи Данте открыли новую страницу исторической эпохи – Возрождения, гуманизма, новых открытий в науке. Неслучайно идеи Данте стали основополагающи-

ми в эпоху Возрождения и, как волны, катились по Европе с Юга на Север и с Запада на Восток: Франция – XV век, Англия, Испания – XVI, славянские страны – XVI–XVII века. Данте первым выдвинул тезис о значимости народа и централизованного государства, руководимого правителем-гуманистом и ученым. Такое государство благословенно. Поэт трактует и роль Бога по-новому: из карающей иррациональной силы он превращается в силу добрую, направляющую человека и человечество к благим деяниям. В «Божественной комедии» на хрустальном троне восседает Человек – король Генрих VII (1, с. 510).

Не менее важными были суждения Данте о значимости народного (в будущем национального) языка. Латынь мертва, утверждал он, а «народный язык... – это будет тот ячменный хлеб, которым насыщаются тысячи... Он будет новым светом, новым солнцем... и оно дарует свет тем, кто пребывает во мраке и во тьме, так как старое солнце им больше не светит» (2, с. 133). Данте был необычайно смелым и как человек, и как ученый: в противовес средневековому аскетизму он провозгласил значимость и радость земной жизни, главными критериями которой назвал свободу, справедливость и любовь. Символом такой любви стала Беатриче – земная женщина, которой бессмертие даровал влюбленный в нее и верный этой любви в течение всей своей жизни Поэт и Ученый Данте Алигьери.

Идеи Данте несомненно способствовали становлению человека новой эпохи – философа, ученого, странника, познающего землю, космос и жизнь других народов. Этим ценностям следовали Фауст, Парацельс, Сервантес, Коперник, Микеланджело и многие другие гениальные представители эпохи Возрождения.

В этой галерее почетное место занял и белорус из славного города Полоцка Франциск Скорина. Проблемы Возрождения в его судьбе проявились двояко. Как и Данте, Скорина жил и творил в переломный период перехода от феодализма и Средневековья к Северному Возрождению¹, и проявил себя как первооткрыватель в науке, осно-

¹ Принципы Северного Возрождения наука трактует по-разному, но большинство исследователей подчеркивают его связь с реформационным движением.

воположник восточно-славянской письменности, новых жанров в литературе и нового видения мира в философии. Фактор Возрождения коснулся и личной судьбы ученого. Если о Данте и многих выдающихся деятелях Возрождения писали и помнили всегда, то со Скориной было иначе. Несмотря на огромную популярность при жизни, после смерти о нем не только забыли, но многие его изобретения стали приписывать другим людям... Это забвение длилось почти половину тысячелетия. Фактически первое исследование о Скорине датировано концом XIX столетия: П. В. Владимиров «Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык» (СПБ, 1888). На это издание сегодня ссылаются почти все ученые, исследующие творчество основоположника белорусского книгопечатания. Первое публичное признание заслуг и роли Скорины началось, по сути, с 1967 года в связи с 450-летием книгопечатания. К сожалению, восточные славяне порой забывают или умалчивают имена своих кумиров. Примеров этому довольно много.

Возрождение памяти о Скорине, наступившее через 500 лет, не случайно. Современному славянству он подарил ее величество *книгу*, причем в таком ее проявлении, в каком мы читаем ее сегодня: с печатным текстом, комментарием, предисловием, послесловием, оглавлением, портретом автора и иллюстрациями, которых раньше в книгопечатании не было вообще. Почти на полстолетия раньше Мишеля Монтеня («Essais», 1585) он изобрел и использовал в своем творчестве жанр эссе (философское, литературное, научно-медицинское). Научные труды, книгоиздательская деятельность, новизна и оригинальность философских и социальных концепций Скорины являются прямым свидетельством того, что он опередил время и был гениальным представителем европейского Возрождения. Об актуальности его трудов, убеждений и деяний говорит факт возрождения памяти о Скорине в масштабе всемирной значимости: 500-летний юбилей Скорины отмечает не только Беларусь, но и наиболее авторитетная в XXI веке культурная международная организация ЮНЕСКО.

В возрождении памяти о Франциске Скорине выразительно прослеживаются три этапа, одновременно возрастает интерес общества к его деятельности. Итак, первый этап этого своеобразного возрождения

дения относится к середине XIX века. В 1867 году была опубликована статья А. Е. Викторова «Замечательное открытие в древнерусском книжном мире»², в которой упоминаются восточнославянские книгопечатники. В этом же году начинается публикация архивных материалов, хранившихся в Вильнюсе. В 1918 г. А. В. Миловидов издает собственные автобиографические находки о Скорине³. Научной сенсацией этого времени стало упоминавшееся в статье первое фундаментальное исследование о Скорине П. В. Владимирова «Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык» (СПб, 1888). Правда, до Октябрьской революции Скорину относили к числу русских представителей культуры, поскольку Беларусь входила в состав Российской империи под названием «Северо-Западный край». Под грифом «белорусскости» труды о Скорине начинают появляться лишь после 1917 г. в Советской Белоруссии. В 1928 году начинается публикация материалов «Белорусского архива» и среди представителей национальной науки и культуры упоминается Скорина.

Второй этап возрождения памяти о Скорине был связан с важнейшей датой – 450-летним юбилеем с дня выхода в свет первой белорусской книги – 6 августа 1517 года под названием «Псалтырь», ее создателем, переводчиком на белорусский язык и издателем был *Франциск Скарина*. За ней последовали еще 23 книги «Ветхого завета» (3, с. 71), ставшие памятником их создателю, выраженным в белорусском печатном слове. Юбилей широко освещался в научной и публичной печати. Имя Скорины было внесено в энциклопедические издания. Из многообразия публикаций этого времени о Скорине и в СССР, и за рубежом следует подчеркнуть новизну суждений В. И. Пичеты (4), который впервые отметил, что роль Скорины не должна сводиться только к белорусской национальной

² Викторов А. Е. *Замечательное открытие в древнерусском книжном мире*, Беседы в обществе любителей российской словесности, вып. 1, Москва 1867.

³ *Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси*, изданный при управлении Виленского учебного округа. Том третий. Вильнюс 1867; А. Миловидов, *Новые документы, относящиеся к библиографии Франциска Скорины*, Известия отделения русского языка и словесности Российской Академии наук, т. XXII, кн. II, Петроград 1918.

значимости. Его открытия и деятельность следует считать достоянием международным. Утверждение Пичеты стало своеобразным «эпиграфом», основополагающей концепцией третьего этапа возрождения памяти о Скорине, связанного с 500-летним юбилеем белорусского книгопечатания и мировым признанием его основоположника – белорусского ученого Франциска Скорины. О парадоксах истории оригинальное суждение есть у Джорджа Бернарда Шоу по поводу канонизации католической церковью Жанны Д'Арк и причислению ее к лику святых 30 мая 1920 г. Известно, что в 1492 г. она была сожжена на костре по приговору инквизиции. «Полчаса, – читаем о Жанне Д'Арк у Шоу, – потребовалось, чтобы сжечь тебя, – и четыре столетия, чтобы понять, кто ты была на самом деле!» (5, с. 601).

Есть определенная закономерность в судьбе Скорины и возрождении памяти о нем. Он жил, как и Данте, в эпоху, переходную от Средневековья к Возрождению, и в эпоху становления Беларуси как национальной общности. В XV–XVI веках она входила в состав Великого Княжества Литовского, соседствующего с Западноевропейскими странами, а с востока – с укрепляющейся Московией. Беларусь оказалась в центре влияний и противоречий между западом и востоком и в центре столкновения социально-нравственных принципов уходящего Средневековья и рождающегося и утверждавшегося Возрождения. В этой противоречивой ситуации оказывался каждый человек, но лишь немногие понимали ее сложность. Среди последних был Франциск Скорина.

События, произошедшие в мире и в Беларуси 500 лет назад, наталкивают на определенную аналогию сегодня. В 1991 г. распадается Советский Союз, Беларусь обретает независимость и оказывается между странами Евросоюза и наращивающей свое могущество Россией. Обратим внимание в этой связи на даты жизни Франциска Скорины (1490–1541): в 1991 г. исполняется 501 год со дня его рождения и 450 лет с дня смерти. Не впадая в мистические дебри, вспомним законы отражаемости (зеркальности), парности или повторяемости, хотя и с учетом новых социально-исторических событий, изменяющихся во времени, которые по-своему способствовали изменению отношения к Скорине. В сознании далеких потомков он

предстает гениальным деятелем эпохи, предвещающим новое время – время расцвета науки, просвещения, веры в силы человека и целесообразность земной жизни. Скорина оставил материальное доказательство значимости своей открытости и своей деятельности как *восточнославянский первопечатник*, издавший 23 книги *Ветхого Завета*, написавший 25 предисловий, 24 послесловия, по-новому, в свете идей Ренессанса толковавший «Библию» и составивший к ней интереснейший комментарий. Кроме того, Скорина оставил и большое количество переводов с древнегреческого, латинского и старославянского языков на язык древнерусский или древнебелорусский. Суждения об этом неоднозначны (см. 4, сс. 71-75).

Во второй половине XX в. к Скорине начали проявлять интерес не только ученые и исследователи, но и деятели искусства. В качестве главного литературного героя впервые он предстал в романе двух авторов – белорусского писателя Н. Ф. Садковича и русского – Л. Е. Львова (Штейнберг). Произведение названо «Георгий Скорина» и в нем обыгрывается смена его имени с Георгия на Франциска. Издан роман в 1961 г. в Москве. Кроме того, Садкович готовил и сценарий первого фильма о Скорине. Надо сказать, что советская цензура в лице ЦК КПСС пыталась приспособить будущий фильм к коммунистической доктрине. Поэтому сценарий несколько раз переделывался, сам фильм долгое время не демонстрировался, хотя готовили его к 450-летнему юбилею белорусского книгопечатания, который отмечался по-советски публично: в научном мире конференциями и печатными работами, в обществе – лекциями для широкой аудитории.

Франциск Скорина – выходец из третьего сословия, согласно устоям XV–XVI вв., талантливый плебей, сын довольно успешного купца, помогавший отцу в торговле. Он родился и жил в необычайно динамичном городе Полоцке – своеобразном центре торговли, ремесел и всякого рода товарообмена. Город расположен в середине Европы, на берегу большой реки Двины, на пересечении торговых путей. Начальный курс наук Скорина прошел при монастырях и в школах Полоцка и Вильнюса. Этого хватило бы, чтобы продолжить дело отца, но его манили знания и стремление учиться

и познавать мир. Видимо, заметили талантливую ученика полоцкие и виленские учителя. Кроме того, он вращался в кругах приезжавших из разных стран купцов, среди которых были умные и образованные люди. От них молодой и любознательный Скорина черпал знания о разных странах, народах, их обычаях. Преодолев сопротивление семьи, в 1504 г. он отправился на учебу в Краковский университет и попал в среду ученых, представлявших два непримиримых лагеря. Первый состоял из ортодоксов светских и церковно-католических, связанных с Ватиканом и представителями немецкой феодальной верхушки. Во втором были профессора и студенты – сторонники гуманистических идеалов новой эпохи, предвестники славянского Возрождения. Среди них блистал яркостью гения Николай Коперник, профессора Павел из Ворчина, Ян из Глогова, Ян из Стобниц. Парадоксально, но Скорине помог поступить в Краковский университет Иоганн Рейхенберг, влиятельный аристократ, немец, который станет не только идейным врагом Скорины, но будет его преследовать. И все же, выбор Краковского университета был не случаен. Созданный в 1364 г., он стал одним из двух центров науки стран славянского ареала⁴. Скорина блестяще сдал экзамен, заслужив единодушную похвалу всех членов комиссии. Он был по-своему уникальным студентом, хорошо знал латынь, которую, по-видимому, изучил в школах католических костелов Полоцка и Вильнюса. Удивляли экзаменаторов его вера и страна, из которой он пришел. Скорина назвал себя *белорусом* из города Полоцка, православным, сыном купца. Он был представителем третьего сословия – мещанства – и естественно, у него не было возможности оплачивать учебу. Администрация университета согласилась обучать далекого пришельца бесплатно, но предложила ему сменить имя с Георгия на Франциска. На это будущий студент легко согласился, а вот сменить православие на католичество – отказался. Этот эпизод в его жизни убедительно сконструировали авторы романа «Георгий Скорина», описав беседу Скорины с архиепископом:

⁴ Вторым центром или *almamater* славянских народов был Пражский университет, созданный в 1348 г.

«- Чего ты ищешь? – спросил архиепископ.

- Науки, – ответил Георгий. – Хочу учиться свободным наукам, дабы отличать правду от кривды.

- Познаешь сие, что будешь делать?

- Мыслю вернуться в родную землю, ибо люди, где родились и богом вскормлены, к тому месту великую любовь имеют...

- Известно ли тебе, что Краковский университет открыт лишь для носителей римской церкви?..

Георгию показалось, что из-под его ног уплывает пол.

- Вчера я узнал об этом, – проговорил он еле слышно.

- Отчего ж ты не соглашаешься отказаться от ереси, в которой пребываешь?..

- Могу ли я, ясновельможный пан архиепископ, – взволнованно сказал Георгий, – признать истинной веру, которой не знаю?.. Отречься же ради блага моего от обычаев, в которых вырос, не почитаю достойным...

- Пусть так, – проговорил архиепископ. – Ты умен и правдив. Будь ревностен в учении... Желание твое исполнится. Постигнув науки, ты вернешься на родину, чтобы сеять добрые семена... Как твое имя?

- Георгий, сын Скарины.

- Ты будешь наречен Франциском в честь нашего святого Франциска Ассизского...» (6, с. 69-70).

Эта беседа, несомненно, – плод творческой фантазии авторов романа, но факты биографии и деятельности прототипа убеждают в возможности ее в реальном раскладе событий. В XV–XVI столетиях была сильна инквизиция, вызывавшая страх среди верующих, но была и необыкновенно сильная тяга людей к знаниям, странствиям, разгадкам тайн мира. И университеты были местом горячих дискуссий, научных и теологических споров, которые продолжались за пределами аудиторий – в бурсах, трактирах, на тайных собраниях ученых и талантливых студентов. Возрождался интерес к античности и ее искусству, которое провозглашалось образцом, их философия. И философия помогала понять красоту мироздания, мудрость и силу человека. Не был исключением и Краковский университет. Учеба проходила в борьбе идей Средневековья и Возрождения. Известны

факты сближения Скорины с профессурой и студентами – сторонниками гуманистических идеалов. «Под влиянием концепции ренессансного гуманизма, – отмечал исследователь творчества Скорины Подокшин – постепенно утверждается новый взгляд на философию, которая начинает рассматриваться не столько как теоретическое знание, сколько как практическая мудрость, дающая ответы на стоящие перед человеком вопросы» (3, с. 67).

Меняла свои принципы и медицина. Начали появляться труды о строении человека, его костной системе, гигиене лечения и т.д. Витала в сознании представителей ученого мира и проблема роли и места земли в космической системе. Высказывались сомнения в истинности учения Птолемея. Видимо, об этом говорилось в научном объединении профессора Яна Глогова, членом которого был и Скорина. Дискуссии на его заседаниях отличались от университетских диспутов. Здесь выступали профессора новых воззрений, в числе их был Коперник. Лекции Николая Коперника слушал и Скорина и, возможно, был с ним близко знаком. Краков сыграл важную роль в жизни Скорины. Здесь он получил две ученые степени – бакалавра и магистра «свободных искусств». Будучи бедным, он вынужден был учиться и параллельно служить, чтобы зарабатывать на пропитание. В Кракове он познакомился со своей будущей женой Малгожатой Сташевич. Молодым людям пришлось многое пережить, прежде чем они создали семью.

Несмотря на блестящее завершение учебы в университете (1506 г.), Скорине пришлось бежать из Кракова, спасаясь от агрессивно настроенных университетских ортодоксов, связанных с инквизицией. А примеры наказания ученых-гуманистов и особенно реформаторов уже были. В 1415 г. на костре инквизиции был сожжен ректор Пражского университета Ян Гус.

Относительно следующего периода жизни Скорины (1507–1511 гг.) существуют различные мнения исследователей, поскольку сведений об этом времени почти нет. Известно лишь, что он побывал во многих городах Европы. На короткое время Скорина вернулся на Родину, затем посетил Пинск, Туров, Киев. Видимо, он путешествовал и по городам Италии. Скорее всего, это и опре-

делило выбор места его дальнейшей учебы – университет в Падуе с целью и продолжения образования, и получения профессии врача в старейшем университете. Основанный в 1222 г. Падуанский университет обучение вел по болонской системе, разработанной первым университетом в Европе (город Болонья), сохранившим традиции Возрождения даже в XV–XVI вв. В 1512 г. в Падуанский университет прибывает Франциск Скорина с целью изучения медицины.

В 1967 г. в связи с юбилеем белорусского книгопечатания в журнале «Неман» были опубликованы фрагменты документов об экзаменах Скорины в Падуанском университете. Он стал любимым учеником известного профессора Таддео Мусати. Под его же председательством проходили экзамены. В экзаменационном документе сообщалось, что «весьма ученый и бедный молодой человек, доктор искусств» прибыл для того, чтобы «увеличить славу и блеск Падуи». Об этом событии сохранились три документа: первый – датируется 5 ноября 1512 г., второй – 6 ноября и третий – 9 ноября того же года. В заключении экзамена подчеркивалось что «...господин Франциск, сын покойного Луки Скорины из Полоцка, белорус... проявил себя столь похвально и превосходно... что получил единодушное и превосходное одобрение всех присутствующих ученых без исключения» и был провозглашен «Доктором медицинских наук» (7, сс. 158, 159).

Документы, представленные в журнале «Неман», предваряет короткий рассказ-эссе Владимира Короткевича, удивительный по своей художественной выразительности и убедительный по событийности и психологической атмосфере. В полустраничном тексте писатель сумел представить портретно-образную характеристику и важнейшие события жизни своего героя Франциска Скорины, показать особенности страны, из которой он пришел, и удивление профессоров, увидевших перед собой не восточного «варвара», а цивилизованного интеллигентного человека.

Эссе является примером своеобразного «взгляда» писателя второй половины XX в. на прошлое. Короткевич описанием Скорины будто «продолжил» портрет его книжного логотипа: «Юноша плечист, длинноволос, ясен глазами... в них светится ум и пытливость» (7, с. 157). Писатель показал, как Скорина разрушил сте-

реотип восприятия цивилизованным Западом его страны, которая считалась дикой, «где солнце заходит раз в году, воздух замерзает и падает на землю, а белые медведи ходят по улицам городов». Что может знать этот «гипербореец»? И каково было удивление *всех* членов Высокой Коллегии, когда они услышали ответы юноши «на безукоризненной латыни» и убедительную защиту своих мыслей. «... «варвар» безмерно талантлив и образован! Он не просто ученый, он – гуманист, он – брат им по духу», поэтому единогласно был объявлен «доктором лекарственных наук» (7, с. 157).

Не менее значим и комментарий экзамена, высказанный Короткевичем: «Так Беларусь выдержала экзамен перед Европой» (7, с. 157).

Несмотря на скурые сведения о жизни Скорины, Короткевич убедительно моделирует мечты и мысли своего героя. «Долгий путь проделал Скорина... тысячи верст пешком и с палкой в руке, из Полоцка, из далекой страны, народу которой очень нужны книги на *своем языке* (курсив мой. – С. М.). И Скорина мысленно уже видит свою книгу. Он издает ее. Издает много книг. Они будут в каждом доме. Дешевые и красивые. И тогда свет познания снизойдет и на его многострадальную землю.

И еще он будет лечить людей, разводить целебные травы и деревья, испытывать их свойства.

Но главное – первая книга! Он издаст ее» (7, с. 157).

Короткевич использовал оригинальный и новый для белорусской литературы середины XX века художественный прием: поток сознания. В произведении он преобразовывается из многостраничных самовыражений в концентрированные событийно (авторско-повествовательный) и психологически (герой и члены Высокой Коллегии) обоснованные микропотоки ассоциаций.

Поражает та безошибочность, с которой белорусский писатель XX века определяет трагизм судьбы гениального представителя славянских народов Франциска Скорины, которому предстояло пережить сожжение своих книг, борьбу с изуверами, унижительные судебные процессы, нужду, изгнание и смерть на чужбине (См.: 7, с. 157).

Не менее интересен и показ Короткевичем смены убеждений членов Высокой Коллегии, выступавших в функции коллективного ге-

роя. вначале они испытывали обыкновенное любопытство: «так ли, как у нас, устроены мозги у этого варвара?», но с первых же минут экзамена впечатление всех *единодушно* меняется. Скорина показывает глубокие и обширные знания, его ответы на вопросы Коллегии звучат на *безупречной* латыни «отлично и безукоризненно». И пришелец из далекого Полоцка в их глазах вырастает до уровня их же собрата по науке.

Скорина обладал обширными знаниями в области античного искусства, современной философии, живописи, книгопечатания, которые он использовал в собственном творчестве и издательской деятельности. Ему предлагали остаться в Падуе, но Скорина снова предпочел свою Родину. Стоит обратить внимание на тот факт, что Скорина всегда подчеркивал свое происхождение и свою народность, хотя Беларусь как народность формировалась в условиях многонационального государства.

К моменту окончания Падуанского университета Скорина стал признанным ученым и специалистом в области многих наук – медицины, философии, литературы, фармакологии, политики и издательского дела. Книга, получившая распространение в Западной Европе, была материальным свидетельством и исторического прошлого, и развития человечества, науки, культуры в настоящем. Во многих городах Италии, Франции, Германии он постигал науку книгопечатания и мечтал организовать его у себя на родине. Вот поэтому он устремился в Полоцк и Вильнюсе. Вероятно, Скорина был очень популярным и общительным человеком и ученым. Врач, педагог, философ, купец – он помогал беднякам, но имел друзей и в высших социальных кругах, умел находить меценатов и поддержку среди влиятельных церковников и светских вельмож.

История сохранила имена некоторых из них. В Вильнюсе его издательское дело финансировали Богдан Оньков и Якуб Бабиц, кроме того, сам Скорина служил секретарем Виленского архиепископа и вместе с братом Иваном занимался торговлей. И все же, мечтой ученого была организация издания книг на родном языке для родственных народов – восточных славян. Скорина был большим патриотом, поэтому и искал на своей земле место, где он мог бы *свободно*

заниматься любимым делом. Таким местом стала Прага, Пражский университет. Современные исследователи предполагают несколько причин, связанных с переездом Скорины в Прагу. Прага становилась центром не только славянской, но и европейской культуры и была связана с реформаторским движением, вылившимся в гуситские восстания и войны, названные именем знаменитого ученого-реформатора, в 1402–1403 гг. бывшего ректором и деканом Пражского университета Яном Гусом. Ян Гус – личность легендарная и харизматичная, великий реформатор церкви, борец за права народа и чешского языка. Его деятельность была признана еретической и в 1415 г. он был казнен инквизицией.

Несмотря на жестокие подавления восстаний, Прага оставалась центром славянского книгопечатания. Видимо, это в первую очередь, и влекло Скорину. Кроме того, он также участвовал в реформистском движении у восточных славян, которое имело два направления: светское – связанное с антифеодальной борьбой и становлением централизованных государств. Примером служила Московия. Церковное – имело два проявления: унийное, пытавшееся соединить православие и католичество, и борьба в православии за право вести службы и молиться не на церковнославянском, а на родных наречиях и древнерусском языке. Неслучайно, поселившись с семьей в Праге, Скорина комментировал и издавал в первую очередь книги Священного Писания. Видимо, у Скорины было свое отношение к христианской религии. Он придерживался ренессансной концепции, утверждавшей свободу личности и равенство всех людей перед богом. Достаточно проанализировать факты его жизни. Он был православным и никогда не менял своих убеждений, хотя и учился в окружении католиков (Краков, Падуя), был женат на польке, дружил с церковными и светскими католиками и служил у них (епископ Виленский), знакомился с деятелями протестантско-реформистского движения (Мартин Лютер), познавал принципы их учения и природу их протестов.

Издавал Скорина в преобладающем большинстве церковную литературу, но с собственным ракурсом ее видения, снабжая ее *своими* комментариями, предисловиями, послесловиями. Видимо, мечтал

он и об организации издания светской литературы, но эта мечта не могла быть реализована, так как уничтожались даже книги религиозного содержания. Скорина, бесспорно, был человеком гуманистических убеждений, поэтому и вносил в комментарии, предисловия и послесловия издаваемых им, казалось бы, традиционных религиозных книг пугавшую ортодоксов новизну. Доктрины и концепции Скорины были не только новыми, но и очень смелыми. Целью своей жизни и деятельности он считал *служение посполитому люду и несение ему света грамоты*. Скорина гласил любовь к родной земле: «...люди, игдезродилися и ускормлены суть по бозе, к тому месту и великую ласку имають» (1, с. 2).

Скорина понимал, что его идеи народ поймет и примет лишь в том случае, если они будут высказаны на понятном ему родном языке и запечатлятся в печатном слове. Он не только *первым* создал программу «семи свободных наук», которые он изучил в Краковском и Падуанском университетах, но адаптировал и переосмыслил их для своего народа в условиях его жизни и просвещения, развития науки и культуры. Понимая, что в памяти людей остаются материальные свидетельства деятельности предков, Скорина осуществил в этом направлении колоссальный труд – *создал новый тип книги*. Книга была и остается главной потребностью *homo sapiens* всех времен и народов, но для каждого народа она должна быть своей, родной, созданной на родном языке. Книга прошла длинный и сложный путь: от скальных рисунков и надписей и узелкового письма, к кожаным и папирусным свиткам, а затем – к пергаменту и собственно – книге в различных знаковых (алфавитных) обозначениях – иероглифах и латинице. Не было книг у восточных и южных славян на их языках и в собственно славянских системах обозначения, хотя такие системы существовали еще с IX века (глаголица, кириллица). Этот алфавит, однако, не использовался в книгопечатании. Срок от создания азбуки – кириллицы до славянского книгопечатания и издания первой книги на кириллице растянулся на 600 лет... Он стал своеобразным свидетельством подвига Скорины как издателя *первой* славянской, в том числе и белорусской, книги под названием «Псалтырь». День ее выхода стоило бы назвать общеславянским,

но, в первую очередь, восточнославянским праздником. Неслучайно Скорина искал место для своего книгоиздания на родине *родственных* народов («рутенев», «русинов», «русичей» – русских, белорусов, украинцев) в Московии, Киеве, Полоцке и Вильнюсе. Скорина хотел быть и целителем, и философом, и книгоиздателем. Эти три функции он с успехом выполнял в Вильнюсе, хотя пребывание в последнем закончилось трагедией – пожаром в его типографии, причина которого неизвестна. Была ли это случайность, или происки ортодоксов и инквизиции? Остается тайной и причина отказа в организации издательской деятельности в Московии. Известно, что Скорина посетил Москву специально с целью создания там книгопечатания *кириллицей*. Казалось бы, в этом были заинтересованы и правители, и культурные слои общества (интеллигенция), и купечество. К сожалению, в Московии единомышленников Скорина не нашел. В результате книгопечатание кириллицей началось здесь на столетие позднее: *первая книга русского книгопечатника Ивана Федорова вышла лишь в 1564 г.*

Нет сомнения в том, что Скорина искал наиболее благоприятных условий и места для издания книг для собственного и родственных народов – восточных славян. Об этом свидетельствовала «география» его странствий (Минск, Полоцк, Киев, Москва и др.), но была и более значимая цель в этих странствиях: Скорину заботил факт популярности и распространенности книгопечатания на кириллице. В этом, скорее всего, и заключались его поиски и цели: создать не только книгу на родине, но книгу, понятную всем, и, прежде всего, православным христианам. Поэтому неслучайным местом книгоиздания была выбрана Прага. И первой изданной Скориной книгой была необходимая всем верующим «Псалтырь».

В странствиях и в сердце Скорины Прага занимала особое место. Этот город был центром славянского просвещения. Из славянских университетов первый был открыт в Праге (1348). Прогрессивные традиции обучения в нем сохранились и во времена Скорины. Из славянских народов и государств пражские ученые и чешский народ выступили в защиту идеалов Возрождения и право молиться на родном языке. Ученый, реформатор, ректор Пражского университе-

та Ян Гус, выступивший против обскурантизма и ортодоксальности, отдал жизнь за новые идеалы, был сожжен на костре инквизиции в 1415 г.

Был ли реформатором Скорина? Бесспорно, да, но его реформаторство не было сугубо церковным или узко христианско-религиозным. Его воззрения, оставаясь православными, приобрели характер ренессансно-просветительский. Подобные воззрения представляли сущность эпохи Возрождения. Неслучайно из «пепла забвения» извлекались прекрасные памятники античной культуры, несшие идеи гармонии, силы, красоты. И в эти памятники вдохнули жизнь идеи христианства, вернувшие им сияние вечности новыми идеями человеколюбия и просвещения. Первым в Европе эти идеи выразил Данте. В главе «Рай» его «Божественной комедии» люди становятся проводниками величайших христианских божественных идей: любви (Беатриче) и социально-политической справедливости (король Генрих VII). Можно предположить, что именно в эпоху Возрождения тезис *Ветхого Завета* – «око за око» сменяется идеей *Нового Завета* – «возлюби ближнего». В славянском мире науки и просветительства к утверждению гуманистических идей пришел Франциск Скорина. Главным доводом были его книги и прежде всего – его первый, уже упоминавшийся труд «Псалтырь». Это одна из древнейших и любимейших книг православных христиан – молитва на каждую жизненную ситуацию. В ней объединены 150 псалмов. С XII века они дополнялись различными авторами, в том числе и комментариями Скорины. В Праге за три года (1517–1520) он издал 23 книги *Ветхого Завета*, которые объединил под общим названием «Библия Руска, выложена доктором Франциском Скориною из славного града Полоцка, богу ко чти и людям посполитым к доброму научению» (См. 3, сс. 72, 73).

Исследователь творчества Скорины С. А. Подокшин считал, что образцом *Библии Руской* Скорине послужила *Чешская Библия*, изданная в Венеции в 1506 г. Этот факт упоминался еще в 1888 г. П. В. Владимировым в его исследовании о Скорине (8, с. 171).

Библия Руска представляет не только перевод *Ветхого Завета*, представленный на кириллице, что уже было новым, огромную зна-

чимось книги представляют комментарии, 25 предисловий и 24 послесловия. При переводе Скорина использовал издания Библии не только на церковно-славянском, но и на иудейском, греческом и латинском языках. Это доказано исследователями конца XIX, XX и начала XXI вв. Комментарии, предисловия и послесловия принадлежат авторству Скорины и являются образцом *новой*, в русле концепций эпохи Возрождения интерпретацией самой Библии, идеи Бога и человека и смысла земного бытия и вечности. В этом плане исследователи XXI в. находятся только в начале пути познания творчества, жанровой природы произведений и процесса книгоиздательства Скорины. Его книги представляют интерес для художников, графиков и оформителей литературы, поскольку снабжены гравюрами. Их описал и насчитал 39 белорусский исследователь Н. П. Щекочихин еще в 1926 г. (См. 9). Впервые Скориной использовались текстуальные украшения, орнаментальное оформление заглавных букв, начальных и заключительных страниц, заставок, титульных листов, оглавлений и т. д. Впервые же был создан логотип издателя книжной продукции – портрет самого Скорины, его оригинал представляет деревянную скульптуру, выполненную, как гласит легенда, одним из его учеников.

Три года пребывания в Праге были связаны с осмыслением и изданием книг *Ветхого Завета*, в которых в ремарках, предисловиях и послесловиях Скорина представляет не только свои воззрения, но и концепции бога, религии, веры, мира и человека.

Казалось бы, Прага – город родственной культуры, защищавший и хранивший традиции свободолюбия, город, где впервые осуществилось восточнославянское книгопечатание, приобретает популярность далеко за пределами страны. Здесь Скорина получил признание как создатель славянской книги. И все же, он тосковал по родине и там хотел издавать свои книги. В 1520 г. (по некоторым источникам – в 1561 г.) Скорина покидает Прагу и возвращается вначале в Полоцк, а затем обосновывается в Вильно. И снова на помощь приходят друзья-меценаты (Якуб Бабич, Богдан Оньков) и православное братство и Скорина создает типографию. Его мечтой становится издание книг для всех. И он принимается за обработку и публикацию

Нового Завета. В 1522 г. он издает «Малую подорожную книжицу». Это был первый опыт «карманного» типа книги, рассчитанной на массовость – для ремесленников, крестьян, купцов – и удобной в повседневности благодаря малому формату. Обратим особое внимание на факт издания в 1525 г. книги *Нового Завета* под названием «Книга деяния и послания апостольская, зовемая Апостол» (краткое название «Апостол»). Уже упоминалось о том, что в России эту книгу издадут Иван Федоров и Петр Мстиславец лишь в 1564 г., т.е. на 39 лет позднее белорусского издания. Издание книг *Нового Завета* Скорины также сопровождал собственными трактовками, объяснениями, ремарками. В книгах помещено 22 предисловия и 17 послесловий, в которых автор поместил открытые им астрономические сведения (поправки в распространенный в XVI веке юлианский календарь, рассчитанные автором сроки лунных и солнечных затмений и др.).

В начале XVI в. в умах ученых мелькали антиптолемеевские идеи об истинном положении земли в космосе. В какой-то мере эти сведения проскальзывали и в научных рассуждениях Скорины – в прошлом, как известно, студенте Коперника. За провозглашение этих идей на заре XVII века Джордано Бруно будет сожжен инквизицией на костре (1600), а Галилей четверть века проведет в подземной тюрьме Ватикана.

Наиболее плодотворными периодами в области книгопечатания для Скорины были три года (1517–1520) в Праге и десять лет (1520(21?) – 1530) – в Вильно. Правда, он позиционировал себя по-разному, но сохранял при издании книг одинаковые принципы печати и один и тот же логотип – собственный портрет. В одном из послесловий в *Библии Русской* (издана в Праге) он отметил: «Выложена працею и вытеснена повелением ученого мужа Франциска Скорины из славного града Полоцка, в науках и лекарстве учителя». В послесловии к «Апостолу» (издан в Вильнюсе) он писал: «Выложена и вытеснена працею и великою пильностью доктора Франциска Скорины с Полоцка» (3, с. 74). На эту разницу обратил внимание С. А. Подокшин, высказав предположение, что в Вильнюсе Скорина был и организатором издательства, и печатником, т.е. познал характер не только интеллектуального (написание предисловий, толкова-

ний, комментарий, ссылок и объяснений), но и практического труда при издании книги, заключающегося в воплощении творчества (духа) в материальную сферу (на страницы книги).

Скорина был человеком эпохи Возрождения: многосторонне образованным, имел много профессий, много странствовал, учился, размышлял, встречался с выдающимися людьми – своими современниками, сделал открытия, не утратившие значимости до сегодня: в медицине он ввел правило гигиены, в астрономии – сделал точные расчеты солнечного и лунного затмений, в философии – заявил, что в мире ничто не появляется и не исчезает бесследно. Но главным в его жизни было и остается *создание книги* в ее современном (нам, жителям XXI в.) виде, книги на родном языке (прообразе русского, белорусского, украинского), с использованием свойственного нам, восточным славянам, алфавите, азбуке – *кириллице*. В книге Скорина проявил себя как писатель-творец, создатель новых жанров (послесловие, предисловие, эссе), как философ-новатор, утверждавший победу добра над злом и благословенность богом земной жизни человека. Назначение человека он видел в деяниях во имя победы добра, гармонии и света знаний.

Чтобы постигнуть эти идеи, Скорина много учился и странствовал. И его странствия имели благородные цели: обрести знания, познать мир и применить их в жизни для своей родины и своего народа. Поэтому после каждого странствия он возвращался на родину. Его странствия имели философско-интеллектуальный характер и практическую значимость. Поэтому книгопечатание он осуществлял на землях славян (Прага) или у себя на родине (Полоцк, Вильно), заботился о том, чтобы самая необходимая и популярная в христианском мире *Библия* стала близкой и понятной *у него* на родине (Белой Руси) *его* народу – белорусам. Христианская религия «осовременила» античную культуру, «приблизила» ее к современному человеку и одухотворила новыми идеями и христианской концепцией бога→мира→человека. Данте эти принципы развил в своей бессмертной «Божественной комедии» и трактатах, провозгласив еще и значимость народного языка.

В славянском мире эти идеи утверждал Франциск Скорина в свете особенностей *своего* времени – *Славянского Возрождения*, и ма-

териализовал их в книгах, прежде всего *Библии* (Новый и Ветхий Заветы) на родном языке, которые он сам комментировал, объяснял и издавал на славянском алфавите – *кириллице*. Творчество Скорины представлено в Праге 23 книгами *Ветхого Завета*. К сожалению, количество изданных книг в Вильнюсе не дает ни научная, ни справочная литература. Видимо, значительная часть изданных Скориной книг была уничтожена пожаром. Известно, что в Вильнюсе он издавал в большинстве книги *Нового Завета*. К обеим частям *Библии* он написал 57 предисловий и 41 послесловие. Кроме этого, Скорина занимался переводами и прежде всего – *Священного писания*, его адаптацией, снабжая тексты ссылками и объяснениями. Словом, делал их понятными народу, в том числе, верующим из социальных низов. Можно предположить, что в восточнославянской культуре Скорина был первым ученым, философом, писателем, книгоиздателем, переводчиком (с греческого, латыни, старославянского и других языков), врачом, который не только ратовал за простой народ, но реально помогал ему: лечил, творил, переводил и создавал для него книги.

Список использованной литературы

- Данте, А. *Новая жизнь. Божественная комедия*, А. Данте.-М.: Художественная литература, 1967. – 628 с.
- Данте, А. *Малые произведения*, А. Данте. – М.: Наука, 1968. – 652 с.
- Подокшин С.А. Скорина/ С.А. Подокшин. – М:Мысль, 1981. – 214 с.
- Пичета В.И. Белоруссия и Литва в XV-XVI вв. (исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития) / В.И. Пичета. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. – 818 с.
- Шоу, Б. Пьесы / Б. Шоу. – М.: Издательство «Художественная литература», 1969. – 703 с.
- Садкович, М. Георгий Скарина / М. Садкович, Е. Львов. – М.: Государственное издательство детской литературы Министерства просвещения РСФСР, 1961. – 477 с.

Swietłana Musijenko, *Działalność i twórczość Franciszka Skaryny w kontekście kultury europejskiej*

Короткевич, В. Экзамен в Падуе / В. Короткевич // Неман. – 1967. – № 8. – С. 157.

Владимиров, П.В. Доктор Франциск Скарина. Его переводы, печатные издания и язык / П.В. Владимиров. – СПб: Типография Императорской академии наук, 1888. – 118 с.

Шчакаціхін, М. Гравюры і кніжныя аздобы ў выданнях Францішка Скарыны / М. Шчакаціхін. –Менск: Інстытут беларускай культуры, 1926.– 50 с., [36] л. іл.

Bibliografia

Dante A., *Novaâ žizn'. Božestvennaâ komediâ, Hudožestvennaâ literatura*, Moskva 1967.

Dante A., *Malje proizvedeniâ*, Nauka, Moskva 1968.

Podokšin S. A., *Skorina, Mysl*, Moskva 1981.

Pičeta V. I., *Belorussiâ i Litva v XV-XVI vv. (issledovaniâ po istorii social'no-èkonomičeskogo, političeskogo i kul'turnogo razvitiâ)*, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Moskva 1961.

Šou B., *P'esy*, Izdatel'stvo "Hudožestvennaâ literatura", Moskva 1969.

Sadkovič M., *Gerogij Skarina*, Moskva 1961.

Korotkevič V., *Èkzamen v Padue*, „Neman“ 1967, nr 8, s. 157.

Vladimirov P. V., *Doktor Francisk Skorina. Ego perevody, pečatnye izdaniâ i âzyk*, Tipografiâ Imperatorskoj akademii nauk, Moskva 1888.

Ščakacìhin M., *Gravŭry i knižnyâ azdoby ŭ vydannâh Franciška Skaryny*, Īnstytut belaruskaj kul'tury, Mensk 1926.